

УДК 294.321
ББК 86.35 (2Рос=Бур)

Николай Владимирович Цыремпиллов,
кандидат исторических наук,
Принстонский Институт перспективных исследований
(08540, Принстон, Нью Джерси, США)
e-mail: tsyrempilov@ias.edu

**Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы
Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма
российскими властями¹**

Несмотря на то, что указ 1741 г. многими исследователями считается важнейшей вехой в истории буддизма в России, известно о нём очень мало, а сам документ так и не был найден. В этой статье мы попытались собрать все сведения, касающиеся этого документа, которые смогли найти в бурятских источниках на монгольском и тибетском языках, русских архивных документах XVIII–XIX вв. и научной литературе. Основываясь на этих материалах, мы даём свой ответ на вопрос, существовал ли указ о признании буддизма российскими властями. В статье приводятся данные, что искомый документ действительно мог существовать в статусе указа, но не именного императорского указа, а указа распорядительного, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII в. было нормальной управленческой практикой. Те же данные заставляют признать, что, хотя мы и не можем говорить о нём, как о документе, официально признававшем буддийскую религию на территории Российской империи, указ фактически легитимировал буддийское духовенство, признавал за ним российское подданство. По своему духу распоряжение 1741 г. было скорее ограничительным, нежели разрешительным, но при этом оно признавало за буддийскими ламами определенные привилегии, сходные с теми, что были закреплены за бурятской родовой знатью. По существу, всё это можно трактовать и как косвенное признание буддийской религии. Сегодня, когда столь мало известно о признании буддизма в России, эта статья поможет разобраться исследователям в этом важном вопросе.

Ключевые слова: буддизм, ламаизм, Российская империя, буряты, Елизавета Петровна, официальное признание, 1741 г.

Nikolai Vladimirovich Tsyrempilov,
Candidate of History,
Princeton Institute for Advanced Study
(08540, Princeton, New Jersey, the USA)
e-mail: tsyrempilov@ias.edu

**When Did Russia Recognize Buddhism? In Pursuit of 1741 Decree by the Empress
Elizaveta Petrovna Officially Recognizing of Buddhism by the Russian Authorities²**

Although the Decree of 1741 was considered by many researchers as an important stage in the history of Buddhism in Russia, we still know little about it and the document itself was never published. In this paper we attempted to collect all data concerning this particular document available in Buriat, Mongolian and Tibetan written sources and Russian archives of the 18–19th centuries. Based on these materials we attempt to give our respond to the question whether this decree, which was mentioned by so many scholars, ever existed. Based on these data we assume that the document in question might exist in the status of decree, but rather as issued by local provincial government in the name of the empress, which in the 18th century Russia was a normative administrative practice. The same data allow us to argue that although we cannot refer to it as the document officially recognizing Buddhism by Russian authorities on the territories of the empire, it legitimized in fact the status of the Buddhist clergy and acknowledged their rights as imperial subjects. In its essence the command of 1741 was rather restrictive than permitting, but at the same time it recognized certain privileges similar to those

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ № 13–01–00086 «Традиция и инновация в Восточном Тибете».

² The research is performed with the financial support of RHSF within the project № 13–01–00086 “Tradition and innovation in Eastern Tibet”.

enjoyed by the Buriat tribal aristocracy. In fact, we can consider this document as indirect recognition of Buddhism by Romanovs.

Keywords: Buddhism, Lamaism, Russian empire, Buryats, Elizaveta Petrovna, official recognition, 1741.

Общепринятая версия. В июле 1991 года в Бурятии торжественно был отпразднован 250-летний юбилей официального признания буддизма в России. На празднование этой даты в Россию был приглашен Его Святейшество Далай-лама XIV, который провел молебен на стадионе 25-летия Республики Бурятия в Улан-Удэ и в дацанах Бурятии и Агинского Бурятского автономного округа. Бурятский институт общественных наук организовал по этому поводу научную конференцию, в результате которой была издана небольшая брошюра с тезисами докладов [12]. Во вступительной статье брошюры [12, с. 3–7], написанной именитыми бурятскими учёными Р. Е. Пубаевым и Г. Л. Санжиевым, о причинах выбора 1741 г. в качестве отсчётного момента признания буддизма российскими властями, сказано мало и общими словами: «250 лет назад, в 1741 г., указом Российской императрицы Елизаветы Петровны буддизм в Бурятии был официально признан в статусе государственной религии в России. Этим указом впервые был утверждён штат буддийского духовенства Бурятии – 150 комплектных лам, которые затем были приведены к присяге на верноподданность России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими свое учение» [12, с. 3].

В статье Ш. Б. Чимитдоржиева «К вопросу о начале распространения буддийской религии в Бурятии», вошедшей в этот сборник, указу Елизаветы также уделено немного места: «Действительно, 250 лет тому назад, в 1741 г., императрица Елизавета Петровна обнародовала манифест, согласно которому Российское правительство признало законность буддизма на территории Бурятии» [39, с. 14]. Более в сборнике докладов о самом указе, который послужил основанием для празднования, ничего не сказано. Более того, ни до, ни после этого юбилея ни один исследователь никогда не публиковал текста этого указа. Но, тем не менее, практически все авторы, так или иначе касавшиеся когда-либо вопросов истории буддизма в Российской империи, ссылаются на этот загадочный документ как на важнейший.

Так, авторитетный исследователь истории буддизма в Российской империи К. М. Герасимова в коллективной моногра-

фии «Ламаизм в Бурятии XVIII – нач. XX в.», изданной в 1983 году, со ссылкой на «Материалы землеустроительной комиссии Куломзина» говорит об указе Елизаветы Петровны 1741 года как о документе, в котором был «впервые утвержден штат – 150 комплектных лам» [32, с. 17–18]¹. Эта информация позднее вошла в учебники по истории Бурятии². Указ 1741 г. в разное время в своих работах упоминали Ш. Б. Чимитдоржиев [39]³, Г. Р. Галданова [22, с. 92–102], Д. Г. Чимитдоржин [40]⁴, Л. Л. Абаева [16], С. Ю. Лепехов [28]⁵, Н. Л. Жуковская [25]⁶, Ц. П. Ванчикова [29]⁷ и другие. Эти данные встречаются и в

¹ Первая глава этой монографии, в которой изложены основные исторические сведения об утверждении буддизма в Забайкалье, написана К. М. Герасимовой. В своей ранней монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Улан-Удэ, 1957), написанной на основе её докторской диссертации, на широкой базе архивных материалов (главным образом из Российского государственного исторического архива), Герасимова упоминает эту дату только в связи с основанием Гусиноозерского дацана и указа о назначении Агван-Пунцука главным ламой.

² Напр., в учебнике «Бурятия. XVII–XVIII вв. История. Вып. № 4. Улан-Удэ, 1999» за авторством Г. Л. Санжиева и Е. Г. Санжиевой искомая цитата из книги «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века» даётся слово в слово без ссылки на оригинальное издание.

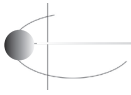
³ Помимо упоминавшейся выше статьи Ш. Б. Чимитдоржиев говорит о «манифесте» Елизаветы Петровны без ссылок на конкретные документы в других своих работах. В частности, можно упомянуть его статью «Начало распространения буддизма в Бурятии», опубликованную в сборнике статей «Бурятский буддизм: история и идеология» (Улан-Удэ, 1997). С. 18–27.

⁴ См., напр.: Буддизм в Бурятии 1945–2004. Улан-Удэ, 2007. С. 15. Чимитдоржин говорит об указе Елизаветы Петровны как об «официальном признании буддийской религии в Российском государстве». Там же. С. 15.

⁵ С. Ю. Лепехов в своей статье «Буддизм» для «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009. С. 250) и «Истории Бурятии» (Т II. XVII – нач. XIX в. Улан-Удэ, 2011. С. 170) цитирует (без приведения ссылки) данные из «Материалов комиссии Куломзина», в которых говорится, что Указ 1741 года признавал буддизм «дозволенной религиею».

⁶ В своей ироничной статье, посвященной празднованию 250-летия официального признания буддизма в России в 1991 году, Жуковская подвергает сомнению оправданность отсчёта этого признания от 1741 года и предлагает ряд альтернативных дат. Но факт существования самого указа, кажется, не вызывает у нее сомнения.

⁷ См.: главу «История буддизма в Забайкалье до 1945 года» монографии История буддизма в СССР и Российской Федерации (Элиста, 2011), написанную Ц. П. Ванчиковой, в которой она без ссылок на первоисточники слово в слово копирует материал из упоминав-

справочных и энциклопедических изданиях¹. Формулировки расходятся: одни исследователи называют документ указом, другие – манифестом. Большинство авторов говорят об официальном признании буддизма российскими властями, кто-то добавляет – «в качестве разрешённой» или даже «государственной религии» России². К. М. Герасимова, по всей видимости, не найдя других источников, предпочла дословно процитировать формулировку из «Материалов комиссии Куломзина»: «...указом Елизаветы впервые утверждён штат – 150 комплектных лам, которые были приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими свое учение» [32, с. 17–18].

Так какое распоряжение было подписано императрицей Елизаветой Петровной в 1741 г. в связи с буддистами и существовало ли таковое вообще? Оснований для сомнений более чем достаточно. Такой документ отсутствует в Полном своде законов Российской империи, указ не найден нами ни в Российском государственном архиве древних актов, в котором в основном хранятся документы XVIII в., ни в Российском государственном историческом архиве, в котором сосредоточены документы по истории буддизма в России. Ничего не дали поиски и в региональных архивах: Государственных архивах Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. Не может не смущать и тот факт, что императрица Елизавета Петровна взошла на престол в результате дворцового переворота лишь 25 ноября 1741 года и, следовательно, монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века»: «В том же 1741 г., согласно указу императрицы Елизаветы, буддизм признали в качестве разрешенного вероисповедания, а лам выделили в отдельное сословие, впервые утвердив штат – 150 комплектных лам, которых привели к верноподданнической присяге, освободили от ясака и других повинностей и которые должны были проповедовать буддийское учение среди кочующих родов» (С. 32). В главе «Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.)» (авторы Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов) об указе 1741 года говорится ровно теми же словами, что и в упоминавшейся статье Ц. П. Ванчиковой.

¹ См., напр., 2, с. 9; 6, с. 401–402.

² Распоряжение это едва ли могло бы быть манифестом, поскольку статус буддизма в России того времени не был столь высоким, чтобы монарх обращался по вопросу его подтверждения к населению с манифестом – документом, принимаемым в связи с важными политическими событиями в государстве. Совершенно невозможным было бы и признание буддизма в качестве государственной религии, ибо в Российской империи государственной религией могло быть лишь христианство в греко-православной традиции, а все другие формы христианства, ислам, иудаизм и ламаизм могли находиться лишь в статусе терпимых вероисповеданий.

вательно, для издания такого указа до конца года у нее почти не оставалось времени. Тем более известно, что первые указы Елизаветы касались смещения одних лиц с важных государственных постов и назначение на других. Не является ли вся история с указом о признании буддизма одним сплошным недоразумением? Для того чтобы ответить на эти вопросы следует обратиться к источникам. Но для начала следует выяснить, откуда вообще исследователи получили данные об этом документе.

Что было известно об указе 1741 г. в XIX в.? Мы уже упоминали «Материалы землеустроительной комиссии Куломзина», из которых К. М. Герасимова и другие исследователи получили сведения об указе 1741 г. Обратимся же непосредственно к этому изданию³. В одном из выпусков материалов без приведения ссылок на оригинальные документы об указе Елизаветы Петровны 1741 г. говорится следующее: «Между тем сибирское начальство оставляло духовные дела бурят ламаитов безо всякого внимания вплоть до 1741 г., когда собраны впервые официальные данные о числе лам и кумирен в Забайкалье. По этим сведениям, здесь оказалось 11 ламайских капищ и 150 лам. Указанный год имел вообще важное значение в истории забайкальского ламаизма. Последовавшим в этом году Высочайшим указом Императрицы Елисаветы Петровны впервые учреждено 150 комплектных лам, причем они приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между кочующими племенами свое учение. Одновременно с этим последовало назначение главным ламою со званием ширетуя Навак-Пунцука из Цонгольского рода и была учреждена за Байкалом главная Кильгонтуйская или Цонгольская кумирня. Таким образом, ламаизм был официально признан дозволенной религиею» [34, с. 131].

³ Полное название – «Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы» (Санкт-Петербург, 1899). Этот сборник из 16 выпусков разнообразных статистических материалов о землепользовании в Забайкалье, которое Российское правительство рассматривало как место расселения крестьян из европейских частей империи, содержит в себе и сведения исторического и этнографического характера. В выпуске 5, приложение 77 (с. 129–133) уделяется место и истории буддизма в Забайкалье и Прибайкалье. Вообще, часть, посвящённая буддизму, была позднее издана в виде отдельной брошюры «Очерк о ламаизме», составленный под главной редакцией Статс-Секретаря Куломзина И. В. Сосновским и изданной в Санкт-Петербурге в 1905 г. Искомый фрагмент находится в ней на с. 18.

Повторим, ссылок на оригинальные источники автор этих строк не даёт, а потому следует обратиться к более ранним изданиям, в которых можно найти сведения об этом времени и его значении в истории буддизма в России. Таковых оказывается совсем немного.

Во-первых, это известный труд Архиепископа Нила «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», изданный в Санкт-Петербурге в 1858 году и менее известная работа Барона Ф. А. Бюлера «Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство», опубликованная годом позднее в журнале «Отечественные записки». Оба автора также без ссылок на оригинальные источники говорят о том, что в 1741 г. властями были собраны сведения о числе лам и монастырей, назначен среди них главный лама, со всех лам взята присяга на верность России и под страхом смертной казни запрещены связи с единоверцами по другую сторону границы¹. Ни Нил, ни Бюлер ничего не говорят о какой-либо прямой причастности Елизаветы к данному распоряжению. Но в их данных есть некоторое расхождение. Так, Нил говорит, что данное положение было принято правительством (без уточнения, о каком правительстве идет речь – губернском или столичном) [33], а Бюлер уточняет, что принято оно было Иркутским начальством [17].

Другие упоминания о событиях 1741 г. в связи с буддизмом появляются несколько позднее. Среди них следует упомянуть доклад князя Эспера Эсперовича Ухтомского «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним»², написанный им по результатам ревизионной поездки по Забайкалью в 1881 г. по заданию Азиатского департамента Министерства иностранных дел³. В исторической части своего доклада князь Ухтомский упоминает указ Елизаветы

Петровны 1741 г., но лишь в связи с назначением тибетского монаха Нгаванг Пунцока главным ламой бурят-буддистов: «Тысяча семьсот сорок первый год знаменателен в истории забайкальского ламаизма по признанию указом Императрицы Елизаветы главного буддийского иерарха среди бурят»⁴.

Кроме того, Ухтомский, ссылаясь на бурятские источники, говорит, что до этого через Министерство иностранных дел (которое тогда курировало дела бурят-буддистов) на высочайшее рассмотрение были представлены списки 150 пришлых лам с просьбой о признании за ними прав. Князь Ухтомский, как он сам отмечает в своем докладе, активно пользовался монастырскими архивами⁵, а потому ссылка на бурятские источники вполне ожидаема. При этом Ухтомский не даёт никаких ссылок на эти исторические документы, хотя в других местах он предоставляет достаточно полные данные о цитируемых источниках, включая даты и исходящие номера документов⁶. Таким образом, можно предположить, что копии указа 1741 г., вероятно, Ухтомский не видел, но знал о нём только из бурятских источников. Доклад Ухтомского с некоторыми купюрами и дополнениями был опубликован им лишь в 1904 г. в брошюре «Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет» [38]⁷, а, значит, составители «Материалов комиссии Куломзина», скорее всего, не могли воспользоваться этими данными.

Важное издание, из которого мы узнаем любопытные сведения о правительственных распоряжениях 1741 г., – брошюра, составленная чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел Владимиром Вашкевичем, под названием «Ламаиты в Восточной Сибири» [18]⁸. Именно из этого сочинения мы узнаем точную дату выхода инте-

¹ Нил, архиеп. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. Санкт-Петербург, 1858. С. 251–252; Барон Ф. А. Бюлер. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство // Отечественные записки. 1859. Июль. Том СХХV. Санкт-Петербург. С. 236.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 821. О. 133. Д. 420.

³ Князь Ухтомский, горячий сторонник сближения России со странами Азии, полагал, что принадлежность большей части бурят буддийскому вероисповеданию должно стать козырем в руках российской наступательной политики в Азии. В своем докладе он пытается завуалировать свои симпатии к буддизму, вставляя в него критические пассажи в адрес государственной политики в отношении буддийского духовенства. При этом он полагает, что если уж буддизм получил распространение в среде бурятского населения, то этот факт следует использовать в интересах российской внешней политики.

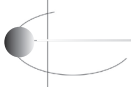
⁴ Кн. Э. Э. Ухтомский. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 420. Л. 91 б.

⁵ В том же докладе Ухтомский пишет: «Каждый клочок бумаги, относящийся к правам жрецово-буддийской веры, заботливо хранится бурятами. В образцовом порядке содержимый архив хамба-ламы на Гусином озере обнимает всю странную историю почти совпадающих (с конца прошлого столетия) покровительства и стеснения тибетской веры». Там же. Л. 98.

⁶ Всего таких точных ссылок в докладе найдено нами более двух десятков.

⁷ Кн. Эспер Ухтомский. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет (С-Петербург, 1904). Эта брошюра была опубликована Ухтомским как обращение к властям с призывом активизировать азиатскую политику в ответ на британскую военную экспедицию под руководством Ф. Янгхазбенда в Тибет. В ней он использовал материалы своего доклада, написанного много лет ранее.

⁸ Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. Санкт-Петербург, 1885.

ресующего нас распоряжения 1741 г. и даже прочтём цитату из него. При этом в качестве ссылки Вашкевичем даны известные нам уже сочинения Архиепископа Нила, Барона Бюлера и некие дела Сибирского Комитета и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, которые мы так и не смогли обнаружить в российских архивах¹. Итак, Владимир Вашкевич приписывает авторство этого распоряжения не Елизавете Петровне, которая в марте 1741 г. еще была всего лишь опальной претенденткой на российский трон, а Лоренцу Лангу, генерал-губернатору Иркутской губернии. Автор приводит следующую цитату из документа (статуса которого он не проясняет), датированного 5 марта 1741 года и адресованного Селенгинской воеводской канцелярии: «Всех наличных лам привести к присяге на верноподданство России и взять с них обязательство, под угрозой смертной казни, не только не переходить границу, но даже ни явно, ни тайно, ни под какими предложениями сношений с заграничными людьми не иметь» [18, с. 37].

Наличие точной даты и оформление автором фрагмента в виде цитаты должны говорить нам о том, что, возможно, у Вашкевича имелась перед глазами копия искомого документа. Если мы поверим в подлинность текста, который приводит автор, мы должны будем признать, что данное распоряжение Елизаветы Петровны, а в период регентства Анны Леопольдовны при малолетнем императоре Иоанне VI Мекленбургском (9 ноября 1740 года – 25 ноября 1741 года).

Третьим документом, в котором содержатся сведения об указе 1741 г., является статья известного российского монголоведа Алексея Михайловича Позднеева, опубликованная им в журнале “Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества” в 1886 г. В своей статье под названием «К истории развития буддизма в Забайкальском крае» Позднеев, в духе русской консервативной мысли, критически оценивает роль буддизма в бурятском обществе и сетует на произвол буддийского духовенства, чинимый ими с молчаливого согласия российских властей: «...в 1741-м г., [...] высочайшим указом императрицы Елизаветы Петровны у Бурят было учреждено 150 так называемых, комплектных лам, причём они были освобождены от податей, телесного наказания и вообще получили права, присвоенные духовенству в России [...]. Бурятам-простолюдинам оставалось только повинно-

¹ Дела этих ведомств хранятся сегодня в Российском государственном историческом архиве.

ваться поставленным над ними властям, ибо в противном случае им предстояла опасность попасть под кару новосоставленного закона. Став под защиту русского закона, буддизм естественно начал расти с удвоенной силой» [35, с. 169–170].

Мы видим, что первая часть приведенного фрагмента почти дословно повторяется составителями сборника «Материалы комиссии Куломзина», и теперь нам становится понятным, откуда в это издание, а после и во многие другие, попала информация об указе. При этом, как князь Ухтомский и Владимир Вашкевич, говоря об указе Елизаветы Петровны, Позднеев в своей статье не приводит никаких ссылок на первоисточники. Вероятно, нам было бы суждено гадать о том, откуда Позднеев знал содержание указа 1741 г., если бы не одна любопытная дискуссия, развившаяся на страницах одной малоизвестной брошюры.

Спор Воронца и Позднеева. Эта брошюра одна из серии пропагандистских материалов, направленных против неправославных вероисповеданий (главным образом ислама и буддизма), издававшихся Евстафием Воронцом, действительным членом Всероссийского Православного Миссионерского общества. Все работы этого автора весьма однообразны в стилистическом отношении, будучи написаны в резком, непримиримом и разоблачительном духе. Этот дух передает и само заглавие брошюры – «Русским ли правительством узаконено иноземное идопоклонническое ламство в православной России?». Издана она была в 1889 г. в Харькове, тремя годами после выхода в свет упоминавшейся работы Позднеева. Собственно, на её критике она по большей части и построена.

Как ясно из названия, автор брошюры поставил перед собой задачу расследовать достоверность якобы имевшего место признания буддизма российскими властями, определить уровень принятия такого решения (в результате Высочайшего постановления или как распоряжение местного органа власти), и, что более важно, определить в царствование какого монарха могло произойти данное событие. Прежде чем мы рассмотрим доводы автора, следует указать, что Евстафий Воронец был твёрдо убеждён в том, что самые одиозные решения, направленные, по его мнению, против интересов православия, принимались в России XVIII века «лютеранско-немецкой партией злодеев Бирона, Остермана и их товарищей» [21, с. 4]. Для него в высшей степени важным было доказать, что, если буддизм и был признан когда-то властями-

ми, то это произошло отнюдь не в царствование «благочестивейшей императрицы Елисаветы Петровны» [21, с. 3, 4], которую он считал истинно русско-православной правительницей, а в период «иностранный правления» [21, с. 4]. Не подвергая сомнению тот факт, что подобное распоряжение имело место, Воронеж, основываясь на сведениях Бюлера и Вашкевича, подчеркивает, что узаконение буддийского духовенства произошло «именно в марте 1741 г.» и «именно местным Иркутским начальством» [21, с. 9]¹, а не высочайшим указом Елизаветы Петровны, как о том писал в своей статье Позднеев. Факт признания буддизма Иркутским правительством имело немаловажное значение в теории заговора, которой придерживался Воронеж. Как известно, в 1741 г. иркутским генерал-губернатором служил Лоренц Ланг, о котором автор отзывается как о «ловком враге русских интересов, который был поставлен от немцев» [19, с. 2], «ламском приспешнике» и «ловком плуте» [20, с. 28–29].

Обращаясь к статье Позднеева, Воронеж в полном виде приводит фрагмент из неё, посвящённый указу 1741 г. В связи с этим он пишет: «...профессор Позднеев, в приведенном описании, позволил себе с виду маленькое, очень маленькое упущение. Он не указал непосредственно, ни в тексте, ни подстрочно, где он нашёл, где читал, описанного им содержания, указ Императрицы Елизаветы Петровны, из какого компетентно-достоверного источника, заимствовал профессор, им одним предъявляемый, такой указ Императрицы Елисаветы Петровны...» [20, с. 7].

Евстафий Воронеж на этом не остановился и обратился с письмом к самому Позднееву, пока не получил от него развёрнутый ответ. Ответ профессора Позднеева² звучит как оправдание. В частности, известный учёный вынужден был ссылаться на отсутствие сведений об указе 1741 г. на русском языке: «Если бы я имел в своих руках самые указы императриц по всем интересующим Вас вопросам, я написал бы просто исторический очерк развития Буддизма у Бурят, теперь я написал статью «К истории развития буддизма...» [20, с. 12].

Позднеев отмечает, что, будучи востоковедом, в своих трудах использует в основном данные из письменных источников восточных народов, в данном случае бурят. Говоря об

указе 1741 г. Позднеев, по его собственному признанию, опирался на материал бурятских летописей: «...говорят летописи условно о значении ходатайства Бурят без деятельности Рагузинского, я передаю это условно; заявляют категорически, что 150 лам утверждены комплектным указом Елизаветы Петровны, я точно воспроизвожу текст их утверждения» [20, с. 11].

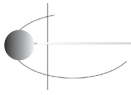
Евстафий Воронеж тут же, в этой же брошюре, даёт свой ответ на объяснения Позднеева, которые кажутся ему неубедительными и свидетельствуют о безответственности учёного, которому «как компетентному авторитетному специалисту несколько министерств доверяют расследование и устройство разных инородческих государственных дел» [20, с. 13]. Факт того, что, даже изучив архив Хамбо-ламы, Позднеев не нашёл копии указа Елизаветы Петровны от 1741 г., по мнению Воронца, явно свидетельствует, что такой указ никогда не существовал. Он считает, что в обратном случае такой документ «был бы тщательно сохранен ламами, сумевшими сохранить у себя в архиве Гусиноозерского дацана указы тех времен, например 1755 г. [...], о которых упоминает профессор Позднеев» [20, с. 21]. Сам Воронеж провёл в связи с этим собственное исследование архивов и пришел к выводу, что дела о сибирских ламаитах XVIII в. не сохранились ни в столичных, ни в местных архивах. Для этого он сделал запрос в Архив Департамента духовных дел иностранных исповеданий и получил официальный ответ следующего содержания: «актов прошлого столетия по делам ламаитов нет, потому что архив Департамента истреблен пожаром в 1862 году» [20, с. 25]. С тем же запросом автор обращался и к Архиепископу Вениамину, который лично проверил архив Иркутска и также не нашёл там дел о бурятских ламах XVIII в. Причиной, как предполагает Воронеж, мог быть пожар 1879 г. в Иркутске, уничтоживший архивные дела [20, с. 24]. По его сведениям, дела из Селенгинска и Кяхты переведены в Москву, а Нерчинский архив «исчез, вследствие отсутствия заботы о нем» [20, с. 24]. Сведения из бурятских источников Евстафий отвергает как ненадёжные и политически ангажированные, называя эти источники «восточными сказками», «ничем не подтвержденными и неосновательными» [20, с. 23].

Бурятские источники об указе 1741 г.

Так на какие бурятские источники опирались Позднеев и Ухтомский, о чём конкретно говорится в них, и можем ли мы вслед за Воронцом безапелляционно отвергать их ценность

¹ При этом Воронеж не ставит под сомнение подлинность цитаты указа, приведённой В. Вашкевичем, хотя, как и в очерке Позднеева, в этой работе не приведено никаких ссылок на источник сведений.

² В той же брошюре на с. 11–12 Е. Воронеж приводит текст ответного письма профессора Позднеева.

в данном вопросе? Источниковой базой для его сведений об указе 1741 г., по признанию Позднеева, стали бурятские исторические летописи, создававшиеся бурятами в основном на протяжении XIX в. Эти сочинения стоят особняком в общем числе монголоязычной исторической литературы. В отличие от других сочинений традиционной монгольской историографии, бурятские летописи в большинстве своем документальны и конкретны. Создававшиеся, как правило, бурятскими чиновниками, работавшими в степных думах, они писались с целью документально закрепить права бурятского населения на владение земельными угодьями в местах традиционного проживания и разного рода привилегии, в частности, религиозную инаковость. Поэтому бурятские летописцы внимательно относились к источникам приводимых сведений и часто дают в тексте сочинений прямые ссылки на документы. Но, к нашему сожалению, не в случае с указом 1741 г. Наиболее ранние упоминания об интересующем нас предмете имеются в двух следующих по мере возникновения бурятских летописях – «О ранней истории хоринских и агинских бурят» Тугульдура Тобоева и «История селенгинских монгол-бурят» Юмдэлэка Ломбоцыренова.

Первая летопись, созданная в 1867 г., повествуя о первой бурятской общине, состоявшей из 150 буддийских монахов, дословно сообщает нам следующее: «...список имен тех лам был представлен вниманию Её Величества, и в 1741 г. все эти ламы были сделаны комплектными и освобождены от податей»¹. В этом фрагменте автор сообщает нам о дате, когда в России впервые вводится понятие комплекта, под которым понималось строго фиксированное число буддийских монахов, разрешённых властями. В связи с этим решением упоминается имя императрицы, а, следовательно, утверждается, что решение о введении комплектного числа монахов было принято на высшем государственном уровне.

Примерно в том же духе событие описывается в следующей по времени создания летописи селенгинского тайши Ломбоцыренова: «В 1740-х годах императрица Елизавета Петровна утвердила штат в 150 лам. Они были освобождены от всех податей и повинностей»².

¹ yeke degedü ejen-ü anjiralta-du tede blam-a-nar-un ner-e-yin spiiske qabsurγan küregegsen-iyer 1741 on-a tede blam-a-nar bügüde-yi qonbillid bolγaju alba tataburi-ača sulalayad... Тобоев. Тобоев Тугульдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят (Horl iia fegoiia Briyeoa ooa oa forida Se(oa DeokEt). M I-16. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Л. 9.

² 1740 ондо хатан император Елизавета Пе-

тровна 150 штатна ламые баталжа, тэдэниие алба түлбэрирһөө сүлөөлжэ. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.135.

тровна 150 штатна ламые баталжа, тэдэниие алба түлбэрирһөө сүлөөлжэ. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.135.

Кроме этих двух летописей о распоряжениях Елизаветы Петровны говорит и хроника Шираб-Нимбу Хобитуева. Этот летописец сообщает нам следующее: «В 1741 году милостью великой императрицы Елизаветы Петровны был утвержден комплект лам в числе 150, а главным над ними поставлен соржо лама из тангутского рода Агван Пунцок»³.

Другие летописцы не придают этим событиям большого значения и вообще не упоминают их в своих произведениях. Но летописными сочинениями традиционная бурятская историография отнюдь не исчерпывается. Сведения о правительственных распоряжениях 1741 г. мы можем также найти и в «Путевых записках» Дамба-Даржа Заяева, первого Бандидо Хамбо-ламы, изложившего свою биографию в виде описания своего путешествия в Монголию и Тибет. По некоторым сведениям это сочинение было написано Заяевым по просьбе российской императрицы Екатерины Великой. В ряде списков этого произведения мы находим следующие фрагменты: «В 1742 году после обращения к вышестоящим был утвержден так называемый комплект хуваракон из 150 человек» [30, с. 41]. «В 1741 году в Бурятии было 150 хуваракон, о чем было сообщено вышестоящим и они были официально утверждены ламами» [30, с. 44].

Как мы видели выше, один из бурятских летописцев сообщает, что причиной принятия решения об утверждении комплектного числа лам в 1741 г. стало представление верховной власти списка лам⁴. В одном тибетоязычном источнике, небольшом историческом произведении, созданном в 1909 г. видным бурятским ламой Агваном Доржиевым, эти сведения находят свое подтверждение: «В 1741 году [...] в правительство была подана петиция, и впервые для этих мест было получено разрешение на зачисление этих ста пятидесяти лам в число комплектных»⁵.

³ Ехэ дээдэ эзэн императрица Елизавета Петровнагай үршөөлөөр 1741 ондо 150 комплед ламанар баталагдаһан, тэдэнэй ахалагшаар тангууд обогой Агван Пүнсэг гэжэ соржо лама болгодоһон юм. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992. С.100.

⁴ Очевидно, именно из летописи Тугульдура Тобоева Эспер Ухтомский почерпнул аналогичные сведения.

⁵ Краткое историческое сочинение. Доржиев Агван (Вагиндра). Краткое историческое сочинение о том, откуда, изначально отделившись, пришли монгол-буряты, когда это произошло и во власти какого хана они теперь пребывают (Моекго& Briyeoa folo_ feekEeee Hemi)

Таким образом, мы видим, что источники на бурятском языке в целом говорят об одном: в 1741 г. в результате сбора сведений о фактическом числе лам в Забайкалье, в высшие инстанции были поданы их именные списки, что привело к утверждению штата (комплекта) в 150 монахов. Эти ламы были освобождены от податей и повинностей, из их числа был назначен главный лама, которым стал выходец из северо-западного Тибета Агван Пунцок.

Сопоставление материала источников. С фактической стороны сведения из бурятских источников во многом согласуются с информацией, которые дают нам российские авторы¹: в 1741 г. власти утвердили в Забайкалье комплект в 150 лам [33; 7; 8], после того как были собраны сведения об их фактическом количестве [33; 8]. При этом Нил, Бюлер и Вашкевич акцентируют внимание на том, что это распоряжение ограничивало свободу деятельности лам, входивших в комплект: им было под страхом смертного наказания запрещено иметь связи с иностранными ламами. Бюлер и Вашкевич подчеркивают также, что решение об утверждении комплекта принималось местными властями, а не на высшем властном уровне. Бурятские авторы, со своей стороны, ничего не сообщают об ограничениях, которые были введены в отношении комплектных лам, но зато говорят о привилегиях: освобождение от податей и повинностей. Ещё одно важное расхождение: бурятские летописцы говорят, что распоряжение 1741 г. имело непосредственную связь с императрицей Елизаветой Петровной: она это распоряжение утвердила.

Теперь перед нами встает вопрос – какие источники заслуживают большего доверия? Поскольку полным текстом этого документа мы пока не располагаем, то можно лишь предполагать, что он мог как ограничивать права буддийского духовенства в Забайкалье, так и давать им некоторые привилегии. Каждая из заинтересованных сторон, скорее всего, увидела в его тексте именно то, что хотела увидеть. Противники либерального отношения к неправославным и нехристианским конфессиям (или, так или иначе, зависевшие

от их мнения) предпочли рассматривать его как документ ограничительный, а сами последователи буддизма естественно подчеркивали его значение как документа, *de facto* признававшего легальный статус этой религии в империи. Если рассмотреть другие документы, относящиеся к статусу буддийского духовенства в Российской империи XVIII в., то мы увидим, что власти в этом вопросе старались идти по пути балансирования между контролем и принятием.

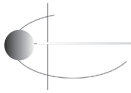
Сведения из других правительственных распоряжений XVIII в. В архиве Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН сохранилось дело Засак-ламы Галсана Гомбоева, которое содержит в себе значительную коллекцию юридических документов, относящихся к статусу буддизма в Российской империи. Большая часть документов относится к XVIII в., и среди них мы встречаем документы, в которых ламам запрещается поддерживать связи с границей. Так, в указе от 31 октября 1776 года Бандидо Хамбо-ламе по этому поводу сказано следующее: «имеешь ты за всеми теми ныне поручающимися тебе в команду Ламами ховараками и убашеями смотреть на всегда прилежно дабы они служили добропорядочно и *отнюдь бы за границу не ездили и оттуда никого ни под каким видом и никаким способом не призывали и никакого сообщения и пересылок не имели* понеже оные противные поступки верноподданным Ее Императорского Величества подозрительны а они состоят верноподданными почему их тех поступок никогда ни для чего делать не следует ибо кто из них такие поступки станут делать то по Указу Ее Императорского Величества по трактату и по суду могут понести истязание по возможности вины и смертную казнь и для того тебе Ширетую им Ламам ховаракам и убашеям об оных поступках с крепким подтверждением часто напоминать и при том толковать какое в таких поступках многое худо и погибель их быть может и тако их не только беречь себя надо от такой погибели, но из одного подозрения имени плутовского за один свой Ламский чин дабы у инородцев за плутовское имя и подозрение не быть в презрении и омерзении»².

Другие указы подтверждают и ограничение числа лам путём введения комплектного количества в 150 лам. Так, в указе из Удинской провинциальной канцелярии Бандидо Хамбо-ламе Агалдаеву от 1783 г. говорится о

¹ fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). М I-46. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

² Мы уже более не берём во внимание сведения Ухтомского и Позднеева, поскольку, как было показано выше, эти авторы основывали свои утверждения на материалах бурятских источников. Что касается данных из «Материалов комиссии Куломзина», то выше мы отмечали, что, очевидно, заимствованы из очерка Позднеева.

² Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 102–102 об.

том, чтобы число лам «никогда ни под каким видом не превозвышало при всех кумирных штатного сто пятидесяти лам»¹ со ссылкой на «указ и определение» прошлых лет. Таким образом, сведения об ограничениях, введённых властями в отношении буддийского духовенства в XVIII в., подтверждаются из других сохранившихся юридических актов. Что касается привилегий, которыми, якобы, российские власти наделяли буддийское духовенство в тот же период времени, то и эти сведения подтверждаются из материалов тех лет. Так, в указе из Иркутского наместнического правления Бандидо Хамбо-ламе Агалдаеву от 17 января 1792 года упоминаются более ранние правительственные распоряжения об освобождении от ясака буддийских монахов, входивших в число 150 комплектных лам: «старшинских зайсанских и шуленгиных детей /: кои имеются в ламах же:/ по прежним данным делам и отцам их грамотам и указам ясаку брать не велено...»².

Как известно из других источников, российские власти прямо предписывали «на убылые ламские места выбирать из тайшинских, зайсанских и шуленгских детей достойнейших»³. Буддийские ламы освобождались от ясака не как духовное сословие, а как потомство бурятской аристократии, исторически имевшее привилегию быть освобождёнными от выплат ясака в обмен на услуги по организации сбора податей. Историк Е. М. Залкинд считает, что объяснением этому предпочтению является традиционному ревностное соблюдение государством своих фискальных интересов: поскольку и служилая аристократия вместе с членами своих семей, и монашеское сословие были одинаково освобождены от выплаты ясака и исполнения трудовых повинностей, то единственным способом приостановить процесс увеличения неподатного населения было их частичное слияние [26, с. 313]. А потому представляется вполне вероятным, что в указе 1741 г. такая норма была прописана. И даже хотя в дальнейшем правило принятия в ламы людей из аристократических семей перестало соблюдаться, власти стали рассматривать эту привилегию как неотъемлемое право, которым в России наделялось духовное сословие⁴.

¹ Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 11.

² Там же. Л. 13 об.

³ Рассмотрение проектов Свода Степных Законов для кочевых инородцев и Устава о Монголо-бурятском Духовенстве. Присутствие Июля 9-го дня 1838 года. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 173. Л. 10–11.

⁴ Эта норма закреплена в § 14 Устава монголо-бурятского духовенства 1832 г., составленного бароном

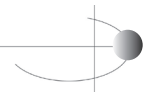
Кстати, в одном из указов, сохранившихся в архиве Засак-ламы Гомбоева, – упоминавшийся уже Указе от 17 января 1792 года – имеются упоминания, что в 1741 г. в Забайкалье действительно проводилась перепись, в результате которой количество лам было определено в 150 человек⁵. Следует отметить, что в ряду прочих переписей лам, упомянутых в этом документе, перепись 1741 г. является самой ранней. Вероятно, в результате этого учёта лам и были собраны сведения, ставшие основой для некоего распоряжения, изданного в том же году.

Как мы показали выше, сведения об ограничениях и привилегиях, которые были введены в отношении буддийского духовенства российскими властями, якобы фигурировавшие в указе 1741 г., представляются вполне вероятными. И все же едва ли российские власти могли специально прописывать в такого рода указе право буддийских лам распространять свою веру среди бурят-монголов. Это право предполагалось логикой российских правительственных постановлений в отношении буддизма.

Указ или не указ? И всё же, каким был статус этого документа? Есть ли у нас основания считать, что документ 1741 г. был императорским указом? Ведь ни Архиепископ Нил, ни Бюлер, ни Вашкевич не называют его указом. Распоряжение 1741 г. указом называют лишь Э. Э. Ухтомский и А. М. Позднеев, которые, как мы убедились выше, опирались в своих сведениях на данные бурятских хронистов. Те же, в свою очередь, слова «указ» также не используют, говоря лишь о том, что «императрица утвердила штат комплектных лам». Мы говорили также и о том, что Владимир Вашкевич и барон Бюлер прямо утверждают, что распоряжение это исходило от Иркутского начальства, расходясь в этом с бурятскими летописцами. Но является ли это расхождением?

В одной из своих работ исследователь видов и разновидностей государственных распорядительных документов XVIII в. С. А. Глотова называет указы «распорядительными документами, с помощью которых осуществлялась реализация управленческих решений на всех уровнях управления государством» [24, с. 83]. Указами именовались не только распоряжения, исходившие непо-

⁵ Архивные материалы Засак-ламы Галсана Гомбоева. Архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 399. Л. 13.

средственно от верховной или высшей (Сенат, различные Советы при императорских особах) власти, но и постановления нижестоящих инстанций «по собственной инициативе в рамках оперативного управления» [24, с. 8]¹. Иницилируя какое-нибудь дело, низовые инстанции могли как представлять его на рассмотрение высших органов власти, так и принимать решение самостоятельно в рамках своей компетенции. Указы нижестоящих инстанций могли именоваться от лица императорской власти с указанием непосредственного органа власти, издавшего постановление [24, с. 86]. Так, все сохранившиеся указы XVIII в., относящиеся к сфере управления буддийским духовенством, исходят из Канцелярии Правления пограничных дел, Удинской провинциальной канцелярии, Иркутской губернской канцелярии, Иркутского наместнического правления, Верхнеудинского нижнего земского суда, но именуются «Указами Его (или Ее) Императорского Величества». Представляется, что распоряжение 1741 г., касавшееся буддийского духовенства Забайкалья, вполне могло быть «Указом Ея Императорского Величества из канцелярии Иркутского вице-губернатора». Оно могло быть издано по инициативе губернских властей «в рамках оперативного управления». Вероятно, копию этого указа мог видеть бурятский летописец Тугульдур Тобоев, который в 1867 г. сослался на него в своей исторической хронике. Если доверять сведениям Владимира Вашкевича, то указ этот нужно датировать 5 марта 1741 года. В этом случае бурятские летописцы могли ошибиться, отнеся его ко времени Елизаветы Петровны. Вероятно также, что эта ошибка могла быть и намеренной, поскольку в XIX веке в русском обществе правление Анны Леопольдовны малолетнего Иоанна VI многими считалось иноземным, а приход к власти дочери Петра рассматривался как возвращение истинно русской православной власти. Потому бурятские хронисты предпочли отнести важное для истории буддизма постановление ко времени Елизаветы Петровны.

Заключение. Несмотря на то, что указ 1741 г. многими исследователями считается важнейшей вехой в истории буддизма в России, известно о нём очень мало. В этой статье мы попытались собрать все сведения, касающиеся этого документа, которые смогли найти в источниках, архивных документах и на-

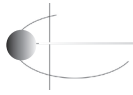
учной литературе. Так существовал ли указ о признании буддизма российскими властями, о котором так много пишут видные историки и буддологи? Если да, то о чём он гласил?

Что касается его содержания, то российские и бурятские источники согласны с тем, что указ: а) вводил понятие комплектного (официально одобренного органами российской власти) числа лам; б) освобождал входивших в это число от уплаты податей и исполнения повинностей; в) запрещал под страхом смертного наказания какие-либо контакты с внешним буддийским миром.

Несмотря на то, что в ходе своего исследования указ мы так и не нашли, не приходится сомневаться, что такой документ действительно существовал. Мы можем согласиться и с тем, что он существовал в статусе указа, но не именно императорского указа, а указа распорядительного, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII веке было нормальной управленческой практикой. Те же данные заставляют признать, что хотя мы и не можем говорить о нём как о документе, официально признававшем буддийскую религию на территории Российской империи, указ фактически легитимировал буддийское духовенство, признавал за ним российское подданство. По своему духу распоряжение 1741 г. было скорее ограничительным, нежели разрешительным, но при этом оно признавало за буддийскими ламами определённые привилегии, сходные с теми, что были закреплены за бурятской родовой знатью. По существу, всё это можно трактовать и как косвенное признание буддийской религии. Вероятнее всего, издан он был в правление малолетнего Иоанна VI в регентство Анны Леопольдовны, как утверждают некоторые российские авторы, а сведения бурятских источников о причастности к нему императрицы Елизаветы Петровны можно считать либо ошибочными, либо обусловленными политической конъюнктурой. Сейчас это уже не представляется столь важным, поскольку, каким бы ни было отношение к правителям мекленбургского дома в России XIX в., это были правители Российской империи.

Ставить точку в вопросе об указе 1741 г. ещё рано. Не исключено, что когда-нибудь копия этого документа ещё проявится в одном из многочисленных архивов нашей страны и некоторые выводы нашего исследования будут опровергнуты. Но сегодня, когда столь мало известно о признании буддизма в России, эта статья поможет разобраться исследователям в этом важном вопросе.

¹ По мнению исследователя, именно такие указы были распространены более всего, поскольку большее число решение принималось на относительно низких уровнях власти. См.: Там же. С. 87.

Источники

1. Бичихан записка. Бичихан записка (bucieeee ierusk). М I-43. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
2. Краткое историческое сочинение. Доржиев Агван (Вагиндра). Краткое историческое сочинение о том, откуда, изначально отделившись, пришли монгол-буряты, когда это произошло и во власти какого хана они теперь пребывают (Moekgo& Briyeoa folo_feekEeee Hemi) t fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). М I-46. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
3. Предание о хождении в Тибет Бандидо Хамбо Заяева из цонгольского рода (Coeekgo& foB(ble^ t bEwdida mkEnBwa Jel t t iia DoibEoa Geje* t YeBgsea Domo()). Коллекция В. Д. Борбоева, № 3499(2). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
4. Предание о хождении Хамбо Заяева за Учением (Jeye) t mkEnB iia Zesia O Dola YeBgsea Domo(BI). М II-342. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
5. Путевые заметки. Путевые заметки (YeVde& oa Demdeit). М I-262. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
6. Тобоев Тугульдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят (Horl iia fegoia Briyeoa ooa oa forida Ce(oa DeokEt). М I-16. Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.
7. Юмов Сайнцак. История селенгинских бурят-монголов (SeleekEt iia Moekgo& Briyeoa ooa oa DeokEt). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. М I-8.
8. Юмсунов Вандан. История о происхождении одиннадцати хоринских родов (Horl iia ferbEa NikEa fcikEt iia fo(fijego* oa Dogojl). Монгольская коллекция Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. М I-13.
9. Рассмотрение проектов Свода Степных Законов для кочевых инородцев и Устава о Монголо-бурятском Духовенстве. Присутствие Июля 9-го дня 1838 года. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 173. Российский государственный исторический архив.
10. Устав монголубурятского духовенства 1832 г., составленный бароном П. Л. Шиллинг-фон-Каштадт. Ф. 1264. Оп I/54. Д. 212а. Российский государственный исторический архив.
11. Ухтомский Эспер, Князь. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. Ф. 821, Оп. 133. Д. 420. Л. 91 б.

Список литературы

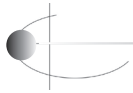
12. 250-летие буддизма в Бурятии и России // 250-летие официального признания буддизма в России. Тезисы докладов науч. конф. 16–17 июля 1991 г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1991. С. 3–7.
13. Альбедиль М. Буддизм. СПб.: Питер, 2006.
14. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд, 1992. Бурядадай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряад номой хэблэл, 1992.
15. Бурятские летописи, 1995. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995.
16. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004.
17. Бюлер Ф. А. Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство // Отечественные записки. 1859. Июль. Т. XXV. СПб. С. 201–258.
18. Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885.
19. Воронеж Е. Из истории чиновного сибирского ламства. М., 1891.
20. Воронеж Е. Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство в православной России? Харьков, 1889.
21. Воронеж Е. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. СПб., 1888.
22. Галданова Г. Р. Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология: сб. статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 92–102.

23. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ, 1957.
24. Глотова С. А. Указы как главные распорядительные документы коллегий (XVIII в.) // Делопроизводство. 2009 № 3. С. 83–88.
25. Жуковская Н. Л. 250 лет официального признания буддизма в России (размышления о прошедшем юбилее некоторое время спустя) // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 118–131.
26. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
27. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: антология / ред. П. Вайшраман. М.: Изд-во ДИК, 2008.
28. Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1.
29. История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: Мин-во обр-я и науки Респ. Калмыкия, 2011.
30. История бурятского буддизма. Письменные источники / транслитерация, перевод, комментарий и исследование Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
31. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1899.
32. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск: Наука, 1983.
33. Нил (Исаакович Н. Ф.), архиеп. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб., 1858.
34. Очерк о ламаизме / гл. ред. статс-секретарь Куломзина И. В. Сосновский. СПб., 1905.
35. Позднеев А. М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. 1886. № 1. Т. 1. С. 169–188.
36. Румянцев Г. Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.
37. Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г. Бурятия. История (XVII–XVIII вв.). Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 1999.
38. Ухтомский Эспер, Князь. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904. Российский государственный исторический архив.
39. Чимитдоржиев Ш. Б. К вопросу о начале распространения буддийской религии в Бурятии // 250-летие официального признания буддизма в России: тезисы докладов науч. конф. 16–17 июля 1991. Улан-Удэ, 1991. С. 14–18.
40. Чимитдоржин Д. Г. Буддизм в Бурятии 1945–2004. Улан-Удэ, 2007.

Istochniki

1. Bichikhan zapiska. Bichikhan zapiska (bucieeee iepuskt). M I-43. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
2. Kratkoe istoricheskoe sochinenie. Dorzhiev Agvan (Vagindra). Kratkoe istoricheskoe sochinenie o tom, otkuda, iznachal'no otdelivshis', prishli mongol-buryaty, kogda eto proizoshlo i vo vlasti kakogo khana oni teper' prebyvayut (Moekgo& Briyeoa folo_ feekEeee Hemi) t fca DesorejO YembE* foro% t fell Ce(DO kEa Hegea Del Segogsea DeriKdea I Dobcl Dedol Horiyegsea DeokEt buciit forosibEt). M I-46. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
3. Predanie o khozhdenii v Tibet Bandido Khambo Zayaeva iz tsongol'skogo roda (Coekgo& foB(ble^ t bEwdida mkEnBwa Jel t t iia DoibEoa Geje* t YeBgsea Domo()). Kolleksiya V.D. Borboeva, № 3499(2). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
4. Predanie o khozhdenii Khambo Zayaeva za Ucheniem (Jeye) t mkEnB iia Zesia O Dola YeBgsea Domo(BI). M II-342. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.
5. Putevye zametki. Putevye zametki (YeBde& oa Demdeit). M I-262. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.

6. Toboev Tugul'dur. Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat (Horl iia fegoiiia Briyeoa ooa oa forida Ce(oa DeokEt). M I-16. Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN.

7. Yumov Saintsak. Istoriya selenginskikh buryat-mongolov (SeleekkEt iia Moekgo& Briyeoa ooa oa DeokEt). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN. M I-8.

8. Yumsunov Vandan. Istoriya o proiskhozhdenii odinnadtsati khorinskikh rodov (Horl iia ferbEa NikEa fcikEt iia fo(fijego* oa Dogojl). Mongol'skaya kolleksiya Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN. M I-13.

9. Rassmotrenie proektov Svoda Stepnykh Zakonov dlya kochevykh inorodtsev i Ustava o Mongolo-buryatskom Dukhovenstve. Prisutstvie Iyulya 9-go dnya 1838 goda. F. 1264. Op. 1. D. 173. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

10. Ustav mongoloburyatskogo dukhovenstva 1832 g., sostavlennyy baronom P. L. Shillingfon-Kashtadt. F. 1264. Op I/54. D. 212a. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.

11. Ukhtomskii Esper, Knyaz'. Ocherk razvitiya lamaizma na vostochno-sibirskoi okraine i naibolee tselesoobraznoe sredstvo dlya bor'by s nim. F. 821, Op. 133. D.. 420. L. 91 b.

References

12. 250-letie buddizma v Buryatii i Rossii // 250-letie ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii. Tezisy dokladov nauch. konf. 16–17 iyulya 1991 g. Ulan-Ude. Ulan-Ude, 1991. S. 3–7.

13. Al'bedil' M. Buddizm. SPb.: Piter, 2006.

14. Buryaadai tyykhe beshegyyd, 1992. Buryaadai tyykhe beshegyyd / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. Ulaan-Yde: Buryaad nomoi kheblel, 1992.

15. Buryatskie letopisi, 1995. Buryatskie letopisi / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, 1995.

16. Buryaty / otv. red. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. M., 2004.

17. Byuler F. A. Ocherki Vostochnoi Sibiri. Lamaizm i Shamanstvo // Otechestvennye zapiski. 1859. Iyul'. T. XXV. Sankt-Peterburg. S. 201–258.

18. Vashkevich V. Lamaity v Vostochnoi Sibiri. SPb., 1885.

19. Voronets E. Iz istorii chinovnogo sibirskogo lamstva. M., 1891.

20. Voronets E. Russkim li pravitel'stvom uzakoneno inozemnoe idolopoklonnicheskoe lamstvo v pravoslavnoi Rossii? Khar'kov, 1889.

21. Voronets E. Sushchestvennaya istoricheskaya spravka po lamskomu voprosu. SPb., 1888.

22. Galdanova G. R. Traditsionnye verovaniya buryat v sisteme buddizma // Buryatskii buddizm: istoriya i ideologiya: sb. statei / otv. red. L. E. Yangutov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1997. S. 92–102.

23. Gerasimova K. M. Lamaizm i natsional'no-kolonial'naya politika tsarizma v Zabaikal'e v XIX i nachale XX vekov. Ulan-Ude, 1957.

24. Glotova S. A. Ukazy kak glavnye rasporyaditel'nye dokumenty kollegii (XVIII v.) // Deloproizvodstvo. 2009 № 3. S. 83–88.

25. Zhukovskaya N. L. 250 let ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii (razmyshleniya o proshedshe yubilee nekotoree vremya spustya) // Etnograficheskoe obozrenie. 1992. № 3. S. 118–131.

26. Zalkind E. M. Obshchestvennyi stroi buryat v XVIII – pervoi polovine XIX v. M.: Nauka, 1970. 400 s.

27. Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaikal'e: antologiya / red. P. Vaishraman. M.: Izd-vo DIK, 2008.

28. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri / gl. red. V. A. Lamin. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. T. 1.

29. Istoriya buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federatsii v 1985–1999 gg. / otv. red. N. G. Ochirova. Elista: Min-vo obr-ya i nauki Resp. Kalmykiya, 2011.

30. Istoriya buryatskogo buddizma. Pis'mennye istochniki / transliteratsiya, perevod, kommentarii i issledovanie Ts. P. Vanchikovoi. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006.

31. Komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabaikal'skoi oblasti. Materialy. SPb., 1899.

32. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi sistemy / Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B. i dr. Novosibirsk: Nauka, 1983.

33. Nil (Isaakovich N. F.), arkhiep. Buddizm, rassmatrivaemyi v otnoshenii k posledovatelyam ego, obitayushchim v Sibiri. SPb., 1858.
34. Ocherk o lamaizme /gl. red. stats-sekretar' Kulomzina I. V. Sosnovskii. SPb., 1905.
35. Pozdneev A. M. K istorii razvitiya buddizma v Zabaikal'skom krae // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva. 1886. № 1. T. 1. S. 169–188.
36. Rumyantsev G. N. Arkhiv Zasad-lamy Galsana Gomboeva. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1959.
37. Sanzhiev G. L., Sanzhieva E. G. Buryatiya. Istoriya (XVII–XVIII vv.). Vyp. 4. Ulan-Ude: Izd-vo Bur. gos. un-ta, 1999.
38. Ukhtomskii Esper, Knyaz'. Iz oblasti lamaizma. K pokhodu anglichan na Tibet. SPb., 1904. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
39. Chimitdorzhiev Sh. B. K voprosu o nachale rasprostraneniya buddiiskoi religii v Buryatii // 250-letie ofitsial'nogo priznaniya buddizma v Rossii: tezisy dokladov nauch. konf. 16–17 iyulya 1991. Ulan-Ude, 1991. S. 14–18.
40. Chimitdorzhin D. G. Buddizm v Buryatii 1945–2004. Ulan-Ude, 2007.

Статья поступила в редакцию 12.03.2014